

Глава -2.

— Нао-кун, ты взял бутылку с водой?

— Да.

— А шарф? Я уверена, что на улице все еще холодно.

— Хорошо, возьму.

— А рукавицы?

— Мне они не нужны.

— Захвати их на всякий случай.

— Хорошо...кстати, Юки-нэ, ты все еще в туалете? — спросил он.

Взволнованная Юки открыла дверь ванной комнаты и высунула голову в коридор.

— Я не в туалете, я умываюсь! И прямо сейчас чищу зубы, — отрезала она, жестикулируя зубной щеткой, которую держала во рту. Юки не смогла бы смириться, если бы он подумал, что она просидела в туалете все пятнадцать минут.

В квартире, в которой они жили, ванная комната и туалет были совмещенными. Поначалу, глядя на это, она думала: «Ух ты, они действительно думают о том, как сохранить пространство», но когда один человек использовал ванную комнату, другой не мог попасть в туалет. Очень скоро они поняли, что такая планировка была очень неподходящей для двух живущих вместе людей.

— Я уже подумал, что у тебя заболел живот, — сказал Инахо, когда его сестра вышла из ванной комнаты.

— Эй! — прикрикнула Юки на своего младшего брата, говорившего о чем угодно без тени колебаний или смущения. — Тебе нельзя говорить подобное девушке!

Стоя перед раковиной между ванной и туалетом, Инахо оглянулся через плечо, намазывая пасту на зубную щетку.

— Почему?

Каждый день Инахо пользовался такой зубной пастой с достаточно сильным запахом мяты, которой дети обычно не пользовались из-за ее несколько сильного и острого привкуса. Он использовал так много пасты, что однажды Юки отругала его за это. Эта зубная паста, купленная ей в дешевом супермаркете перед станцией, была настолько острой, что обожгла даже язык Юки. Она ошиблась с количеством пасты, и из-за этого на ее глазах выступили слезы. А Инахо каждый день небрежно засовывал ее себе в рот. Видимо, он каким-то образом наслаждался ей.

Юки размышляла, был ли он на самом деле ребенком. Он больше походил на миниатюрного взрослого, притворяющегося восьмилетним ребенком. Иногда она всерьез рассматривала эту мысль.

— Почему нельзя? Каждый ходит в туалет.

— ... ну, да, но так говорить нельзя, потому что нельзя. Если скажешь нечто подобное девушкам, то ты не будешь им нравиться.

— Мне не нужно, чтобы я им нравился.

Сначала Юки была ошеломлена дерзким ответом своего брата, но потом внезапно обрадовалась. Не важно, как часто он действовал как взрослый, такие вещи заставляли его выглядеть как ребенок его возраста.

Блин, в конце концов, он действительно ребенок.

Инахо все еще не интересовался противоположным полом и не проводил различий между парнями и девушками. В этом плане он был простым, ничем не примечательным ребенком.

— Думаешь, тебе не нужны девушки, которым ты бы нравился. Просто стань чуть старше.

Неосознанно ее щеки расплылись в улыбке. Ее брат всегда показывал свое превосходство над ней, но только что все перевернулось. Время показать ему гордость старшего. И не просто старшего — она была старшей сестрой.

— Мальчишки, в конечном счете они достигают того периода жизни, когда их волнует только популярность у девушек. Старшие парни в Доме такими и были, знаешь ли. Каждый День Святого Валентина они соревновались друг с другом количеством полученного шоколада, — самодовольно сказала она, раздувшись от гордости.

Хе-хе.

Инахо посмотрел на свою сестру своим обычным пустым взглядом.

— Нет смысла быть популярнее, чем требуется. Вместо того чтобы быть любимым многими, гораздо важнее быть любимым тем, о ком заботишься.

— ... ну, полагаю, так и есть.

Полное и безоговорочное поражение.

Протянув полотенце брату, который закончил полоскать рот, Юки кисло поджала губы.

— Ух...

Инахо прошел мимо своей сестры со своим обычным безэмоциональным лицом, совсем не обратив внимания на ее подавленное состояние. Всякий раз Юки не могла взять верх в словесной перепалке, так что ее слегка обиженное лицо едва ли было редким зрелищем.

— Тьфу...

От разочарования она надулась еще сильнее, чем обычно. В попытке выразить свое негодование Юки схватила шарф, который держал Инахо, и обмотала вокруг него без видимых на то причин. Его основательно замотанный рот что-то пробормотал из-под шарфа. Она натянула синюю материю под подбородок брата. Инахо вздохнул, его дыхание пахло мятой.

— Ты ведь знаешь, что мы едем до пляжа на поезде? — спросила Юки. Он кивнул. — У нас вдвоем будет пикник на пляже.

— Что мы там будем делать? Разве не слишком холодно для купания?

— Мы будем наблюдать за птицами.

— Птицами?

— Ага. Когда пройдешь весь путь по песчаному берегу, ты сможешь увидеть морских птиц.

Юки надела немного толстую парку (длинную куртку с капюшоном), чтобы соответствовать погоде раннего утра, а затем закрепила рюкзак, приготовленный на лестничной площадке. Морской бриз, скорее всего, еще какое-то время должен был быть холодным. Вместо рукавиц она засунула пару хлопковых перчаток в свой карман. Юки купила упаковку из пяти пар за 300 йен в супермаркете. Не то чтобы у нее не было еще одной пары рукавиц, но пришлось бы потратить время, чтобы отыскать их в еще не распакованных коробках.

— В этом городе есть пляж, но на берегу нет песка. Вот почему мы поедем на поезде до пляжа, где он есть. Просто это не сработает, если у пляжа нет песчаного берега.

— Почему именно песчаный берег?

Действительно, почему?

Юки задумалась над этим на мгновение, а затем вздохнула.

— Потому что я люблю его, полагаю что так, — пробормотала она с тоской.

2-2

Если подумать, впервые Юки оказалась на пляже десять лет назад. Сидя в поезде, она смотрела через плечо на причудливый пейзаж, развернувшийся за окном. До Падения Небес, когда все еще сохранялось некоторое подобие мира, Юки с родителями отправилась купаться на море... Это было её единственным воспоминанием о семейной поездке.

При каждом толчке поезда крошечные плечи Инахо тряслись рядом с ней. Юки взглянула на своего младшего брата, который бесцеремонно сидел рядом, удерживая бутылку воды.

— Я была даже младше, чем он, — нежно пробормотала она.

Верно. Я была даже младше, чем он. Инахо тогда еще не родился. А мне было четыре года.

Она была такой маленькой, что ее ноги даже не дотягивались до пола, когда она сидела в поезде. Обутая в свои любимые оранжевые сандалии и украшенная своей мамой одной китайской розой, она находилась на пути к пляжу, чего она с нетерпением ждала долгое время. Поло ее отца было ярким, отражавшим льющийся через окно солнечный свет. Когда она напряженно всматривалась наружу, ее мама говорила: «Сними сандалии, если собираешься взобраться на сидение». Она не хотела снимать свои любимые сандалии, но при этом также хотела выглянуть в окно. Она посмотрела на отца рядом с ней, желая, чтобы он убедил для нее маму, но тот скрестил руки на груди и крепко спал. Обменявшись взглядами и похихикав с мамой, она помнила, что поднесла палец ко рту и произнесла «Шшш!» Внутри поезда был кондиционер, и ее кожа чувствовала легкую прохладу... Не выдержав, она вздрогнула, побудив свою маму набросить на ее плечи кардиган лимонного цвета.

Это были яркие воспоминания, содержащие оттенок лета.

Заглянув в такие далекие воспоминания, Юки вновь взглянула на брата, сидящего рядом с ней. Он был закутан в шерстяной шарф, как мумия, и, оставаясь в таком положении, выглядел слегка несчастным. Благодаря умеренной погоде ранней весны воздух внутри поезда прогревался так сильно, что становилось слегка душно.

— Так легко заснуть, когда тепло, как сейчас, — вполне естественно она пожалела его, поэтому сняла с него шарф. Инахо смотрел прямо в окно, пока Юки это делала. — Ты можешь спать, Нао-кун. Я разбужу тебя, когда мы прибудем на станцию.

— Я в порядке. Разве не Юки-нэ здесь единственная сонная? Я встал в семь, как и обычно.

— Но я шумела на кухне, разве ты не проснулся раньше?

— Ты там что-то делала? На завтрак у нас был тост. Ты бы не встала так рано из-за него.

— Я делала ланч.

— Ланч?

— Да, он для пляжа.

— Зачем?

— Затем.

Затем, что так делала мама. Юки собиралась продолжить, но подавила свои слова.

Она не могла сказать это. Инахо никогда не знал родителей; Юки не могла не подумать, что это задело бы его.

— Что в ланче? — взгляд Инахо был направлен на рюкзак на коленях Юки.

— Омлет и рисовые шарики. На самом деле я очень хотела сделать больше блюд...

Потребовалось время, чтобы приготовить блюда, с которыми она была незнакома, и прежде чем она поняла это, они уже должны были попасть на поезд. Юки не смогла взять помидоры черри и сосиски, которые она так старалась купить.

— Готовка действительно требует много усилий.

С момента их переезда почти каждый день у них на завтрак были тосты, на обед — макароны (или, если их не получалось приготовить, что-нибудь, что можно было по-быстрому разогреть в микроволновке), а ужин проходил в доме Инко.

— Юки-нэ на самом-то деле никогда ничего не готовила. Ты лишь отваривала что-нибудь на плите и клала в микроволновку.

— Варка — это готовка! Приходится пользоваться огнем!

Юки не говорила как раздраженный неудачник. Она на самом деле так считала.

— ... но единственная приправа, которую ты добавляешь, — соус для лапши.

— И что? Тебе плохо от лапши?

— Не совсем. Я лишь сказал, что ты используешь одну и ту же приправу каждый раз.

— Нууу, если у тебя есть лапша, то ты должен добавить соус для лапши.

— Верно. Я бы сказал, что этот соус мне уже надоел.

— ...тогда нам нужно использовать другой?

— ...

Скорее всего, его молчание не означало, что она была на верном пути.

Юки думала про свой первый раз, когда она сделала омлет. Конечно, он не получился вкусным — она была глубоко уверена в этом. Прежде всего, Юки не помнила, какие приправы должны быть в омлете. Она понятия не имела, какие приправы сделали бы омлет соленым, поэтому она использовала соль после того, как яйца поджарились. Строго говоря, — нет, даже не строго говоря, — эту яичницу нельзя было считать омлетом. Получилась простая яичница, посыпанная солью. Она даже не выглядела привлекательно — взбитая часть омлета никак не отражала получившийся результат.

В Доме яичница имела сладкую приправу. Она была вкусной и многое другое, но сердце Юки остановилось на омлете. Омлет был мягким и нежным, и когда вы прожевывали его, то аромат просачивался вам в рот. Из всех маминых блюд наиболее ярко отложился в её памяти омлет, который она ела на песчаном берегу. Это был лучший омлет в мире.

Я была так уверена, что вновь испытаю этот вкус.

Когда Юки утром делала ланч, то она сразу же это поняла. Нет, пожалуй, лучше сказать, что она всегда это знала.

По какой-то причине, похоже, она не имела никакого таланта к кулинарии. Вообще никакого таланта.

— Я хотела дать попробовать тебе, Нао-кун...

— Хм?

— Ммм, не важно.

Пейзаж за окном постепенно сменялся на картину пригорода. Облачное небо, которое было белым везде, куда мог дотянуться взгляд, не обладало весенней яркостью, но в то же время не являлось тяжелым или мрачным.

В противоположность этому, в тот день небо было таким голубым, что можно было затеряться в нем.

Она помнила, как ее мама нанесла столько солнцезащитного крема на крошечное тело Юки, что ее кожа стала чисто-белой. Хотя она так ни разу и не насладились странным ощущением воды, соприкасающейся с солнцезащитным кремом на ее коже, Юки не возражала против запаха кокоса, как у духов. Она проводила руками по носу вновь и вновь, пытаясь уловить этот сладкий запах.

Это пустяковое воспоминание было источником комфорта для осиротевшей Юки. Даже если я все потеряла, у меня всегда будут эти воспоминания... Так она всегда считала.

Но тогда что насчет Инахо? Что же было у ее младшего брата?

Они вдвоем были сиротами войны. Все, что у них было — это их имена и их тела. Кроме этого не было ничего. Конечно, кажущееся повседневное отсутствие эмоций у Инахо (хотя Юки понятия не имела, было ли это лишь внешним признаком или нет), по сути, было обусловлено тем, что ему не на что было опереться.

Поэтому поездка на пляж, к которой она стремилась... вероятно, была немного слишком простой.

И все же ей хотелось чего-то, что останется в сердце ее брата. Воспоминание, которое он смог бы назвать своим — Юки была не против, если оно оказалось бы простым.

До тех пор, пока оно могло вытащить чувства и эмоции Инахо наружу.

— Юки-нэ, ты спишь?

Что-то легко касалось ее щеки, скорее всего, волосы Инахо. Хотя Юки и говорила себе не опираться на него, сейчас она полностью доверилась ему.

— Нет... Я не сплю... правда, не сплю.

— Можешь спать, если хочешь.

— Ммм... прости.

— ... ты не должна извиняться.

Сочетание тёплого солнечного света, отопления в поезде и теплого тела ребенка рядом было более чем достаточно, чтобы вызвать сонливость.

— Нао-кун...

— Да?

— Прости...

— Ты не должна извиняться.

— Прости...

Он осторожно поправил положение своей сестры, чтобы она не соскользнула с сидения, когда поезд тряхнет.

— ... Я тот, кому следует извиняться.

Его тихое извинение проскользнуло мимо его спящей сестры и вскоре было забыто.

2-3

Яркий, необузданный свет поглотил город и разорвал его на части. Юки ощущала жар, и в то же время чувствовала, что было холодно. У нее не было четких воспоминаний о том, сколько раз тряслась земля или насколько ужасен был тот грохот. Лишь одна вещь оставалась в глубине ее сознания: ужасное зловоние воздуха, наполненного облаками пыли.

— Мама?..

Когда она обернулась, ее матери уже не было видно. Вместо этого гора из валунов, подобно которой она не видела прежде, угрожающе возвышалась над ней.

Ее полностью завалило, подумала Юки. Мою маму полностью завалило этой горой камней.

— Мама!..

Единственный ответ, пришедший от камней неподалеку, — голос беззащитного ребенка. При виде этого ужасного зрелища мальчик ни закричал, ни пожаловался. Он просто протянул свои руки и ноги к небу, как сделал бы любой ребенок.

— Инахо!..

Это был ее младший брат, которого ее мама держала мгновение назад. На его голове была шапочка, и он был закутан в одеяло с нарисованной на нем уточкой, которое Юки помогала выбирать маме.

Юки схватила брата своими маленькими руками так нежно, как только могла, прежде чем броситься в окружающий дым за спасшимися взрослыми. Она сделала вид, что не заметила изорванный кардиган лимонного цвета.

У Юки не было возможности узнать, куда направлялись взрослые. И она не знала, почему погналась за ними. Если бы она могла назвать то, что повело ее так поступить, то это, скорее всего, «инстинкт». Убежать, защитить, выжить — Юки позволила своим ногам самим нести её, подчиняясь лишь своим инстинктам.

Местом, куда она, наконец, прибыла, оказалось подземное убежище.

Когда дипломатические отношения с Варсом начали портиться, земляне не пренебрегли подготовкой к «межпланетной войне», которая рано или поздно должна была случиться. Примерно в то время были построены одно за другим убежища. Они были построены под офисными зданиями и множеством торговых центров. В конце концов даже высотки были превращены в убежища. Страна вливала в их постройку каждый йен. Якобы это было для защиты людей на случай редкой катастрофы... но реальной целью была подготовка к надвигающейся войне. Люди были хорошо осведомлены. Не было никакого способа избежать этой войны.

Смутно она слышала звуки разрушения снаружи, и в то же время глубокое чувство тревоги приходило с этими толчками. Юки пробыла неделю в душном, подземном убежище. Она впервые спала под одной крышей с полностью незнакомыми людьми. Даже при таких условиях она с трудом спала понемногу. Откуда-то Юки знала, что, скорее всего, никогда не встретится вновь с мамой. Она так сильно хотела связаться с отцом, который в настоящее время был в служебной командировке, но никак не могла добраться до него. Все рядом с ней были в одной лодке. Даже в лучшей ситуации не было никакой возможности связаться с кем-нибудь.

А Инахо? Чем же занимался Инахо в это время?

Оглядываясь назад, Юки не помнила, чтобы с ее младшим братом было сложно справиться. Она постоянно слышала плач детей в этой темной подземной комнате. Даже во время редкого затишья если кто-то один начинал реветь, все остальные присоединялись к нему.

Но даже тогда Инахо никогда этого не делал.

Не то чтобы он вообще никогда не плакал. Он издавал слегка недовольные звуки, но это практически никогда не перерастало в плач.

— Что за хороший ребенок, так внимателен к сестре, — сказала одна из взрослых Юки в период их усиливавшихся голода, сонливости и утомления. Она посмотрела на неплачущего Инахо. — Он ведь не требует много заботы? Что за прелесть.

Вот что она сказала. Если вдуматься, она была молодой женщиной, вспомнила Юки. Она очень нежно погладила Инахо по голове, ее лицо сморщилось в улыбке, которая в любой момент грозила дать волю слезам. Женщина схватилась за сумку, как если от нее зависела бы ее жизнь, и внутри нее находились игрушечные кубики и крошечная патрульная машина.

Даже сейчас Юки могла с легкостью представить, для кого предназначались те игрушки...

Инахо был настолько послушным ребенком даже после того, как они переехали в другое убежище — спортивный зал наполовину разрушенного здания начальной школы. Несмотря на большое количество людей, с которыми они жили, с самого начала соседи Инахо и Юки так и не заметили, что рядом с ними жил ребенок.

Не то чтобы он вообще никогда не плакал. Иногда Инахо плакал по ночам, как и любой другой ребенок. Однако он крайне отличался от плачущего ребенка, который не сдерживал слез. Благодаря этому Юки не приходилось брать на себя обязательство покидать убежище в середине ночи из уважения к окружающим ее людям.

Однажды — всего один раз — Инахо плакал от всего сердца, как маленький ребенок.

За день до того, как Юки и Инахо приняли в Дом вместе с другими детьми их убежища... Ей доставили документ. Юки, тогда сама лишь ребенок, не знала, насколько этот единственный лист бумаги определит ход ее жизни. Она никак не могла этого знать.

На довольно тонкой и гладкой бумаге, распространяемой школой, было написано следующее: «Юки и Инахо признаны страной как сироты войны». По сути, это говорило о подтверждении смерти родителей Инахо и Юки. Теперь они были мертвы, их добродушная мама и веселый отец.

В тот момент Инахо впервые разрыдался.

Пока Юки находилась в шоке, все еще в шоке, Инахо, который должен был оставаться в счастливом неведении, стал ярко красным и яростно задержался в ее руках.

С того дня единственной семьей, которая сохранилась у брата и сестры, оставшихся в этом мире, были они сами.